

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

TOPOS DOMU DOŚWIADCZANIE ZAMIESZKIWANIA I BEZDOMNOŚCI

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-490-0

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności

Wanda Supa Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков	15
Matylda Chrząszcz Samowar jako metafora domu w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich XIX wieku	31
Элеонора Шестакова Феноменология бездомности героев мотива <i>русский человек на rendez-vous</i> в русской словесности XIX – первой трети XX вв.	41
Людмила Авдейчик Символика «небесной обители» в поэзии В. С. Соловьева	65
Анна Булгакова Дом и бездомье: топос Дом в пьесе Леонида Андреева <i>Жизнь человека</i>	83
Марина Красильникова Дом и «кочевье» в канунной русской культуре начала XX века	95
Алексей Овчаренко Безбытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы	109
Татьяна Комаровская Функциональная роль архетипов Дома и Дороги в раскрытии характера героини романа Джейн Смайли <i>Частная жизнь</i>	117

Янина Солдаткина Категория «дом/бездомность» в романах М. А. Булгакова и романе М. Петросян <i>Дом, в котором...</i>	123
Надежда Злобина Образ дома у дороги в поэме А. Т. Твардовского <i>Дом у дороги</i>	137
Nadzieja Monachowicz Houses in the Lives of Doris Lessing's Heroines	145
Наталья Ковтун <i>Изба – квартира – перекресток</i> : к вопросу о самоопределении героев в поздних текстах В. Шукшина	161
Ирина Середа Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х	179
Олеся Никитина Дом в сказках Леонида и Ирины Тютчевых <i>Зоки и Бада</i> и <i>Школа зоков и Бады</i>	187
Paulina Charko-Klekot Dom, w którym nie można żyć. Prowincjonalna Rosja oczami niektórych uralskich dramaturgów	195
Grażyna Król „Tylko mi Ziemi całej do życia brak”. O bezdomnościach Andrzeja Babińskiego	209
Beata Morzyńska-Wrzosek Doświadczenie zamieszkiwania bez zadomowienia. Na przykładzie twórczości Julii Hartwig	227
Marta Niedziela-Janik Interpretacja motywu bezdomności w utworze Olega Pawłowa <i>Koniec wieku</i>	245
Сергей Преображенский Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома	259

Святлана Лясовіч

Канцэпт «дом» у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле раманаў Альгерда Бахарэвіча, Юрыя Станкевіча) 267

Doświadczenie przestrzeni

Neonila Pawluk

Печаль воспоминаний... Пространство – время – телесная проксемиа в рассказе *Поздний час* Ивана Бунина 279

Вера Шульган

Перехрестя шляхів: життєві та поетичні дороги І. Я. Франка 289

Наталья Кнэхт

Антропология взгляда: человек в меняющейся городской среде, новые формы чувственного опыта и борьба за читательское внимание 297

Ілона Смаглій

Міфологічний, реальний і віртуальний світи в поезії Світлани Йовенко 307

Юрий Подковырин

Смысловые параметры художественного пространства в современной русской драме 317

Елена Гулевич

Монтаж как повествовательный принцип в рассказе А. Бирса *Добей меня* 333

Ірина Кропивко

Речовий світ людини у створенні метафоричного художнього простору у творах С. Поваляевої *Ексгумація міста* та М. Туллі *Сни й камені* 345

Анна Кононова

Полярная энтропия светоизображения в живописи белорусских художников рубежа XX–XXI веков 363

Елена Лепишева

Сценическое время-пространство новейшей русскоязычной драмы Беларуси 377

Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков

Как известно, слово “дом” в реальности обозначает изолированный стенами и крышей фрагмент физического пространства, служащего пристанищем (жильем, местом пребывания) для людей и их животных. Изначально целью изоляции была охрана перед холодом, дождем и хищными зверями, с течением времени, с изменениями антропологии городов и деревень, увеличивалась функция дома как хранителя приватности. Внешний вид и размер домов, их архитектура, формы интерьеров отражали в прошлом и отражают в наши дни¹ классовый и экономический статус их владельцев и жителей, и для большинства людей на всем земном шаре дом или квартира (часть дома) остается самой большой и совершенно необходимой для существования материальной ценностью и одновременно основной константой человеческого быта; не даром в русском языке слово «жить» обозначает и «оставаться в живых», и «располагать каким-то жильем».

На протяжении столетий дом в науке и культуре трактовался как «говорящая» составляющая физического и антропологического пространства, и в литературах разных народов мира стал, наравне с такими архетипами, как земля, вода, огонь, ад и рай одной из наиболее распространенных семантических фигур², обросшей разнообразными символическими смыслами, так как писательское внимание во все литературные эпохи привлекала задача систематизирования человеческого опыта, связанного с домашней жизнью, с приобретением или утратой дома. Наиболее распространенные метафорические образы

¹ М. Rybczyński, *Dom. Krótka historia idei*, Gdańsk – Warszawa 1996; D. Benedyktowicz, *Dom w tradycji ludowej*, Wrocław 1992.

² Ср.: Н.С. Пояркова, *Дом и мир в прозе М. Булгакова*, автореферат канд. диссертации, [online], www.dissercat.com./content/domimir.

дома это символ детства, оплот семейных и культурных традиций, уменьшенная модель мироздания и символ сакрального, так как настоящий дом отражает порядок, установленный Богом, что в русской традиции выразительно подчеркивал *Домострой*. История и литература содержат множество информации на тему значения атмосферы домашнего пространства; дом может быть гарантом гармонического развития личности или напротив – силой враждебной, патологической, уничтожающей человека, и эти факты запечатлелись м. п. в символах «живого» или «мертвого» дома (антидома).

XX век унаследовал от предыдущих эпох разного типа жилые дома и здания общего пользования (в настоящей статье интересуют нас только первые) и обширный список их символических значений: дворцы, замки, дворянские усадьбы, деревенские хаты, особняки, виллы, бараки, и обогатил архитектуру большими, блочными жилыми зданиями, небоскребами, но также общежитиями, контейнерами (как местом проживания), трущобами хибарок. Вследствие урбанизации для миллионов людей во всем мире пространством ежедневного существования стала большая или меньшая квартира в жилом здании. В России после победы октябрьской революции в больших городах распространенным явлением стали коммунальные квартиры³, которые с течением времени превратились (аналогично как обезглавленные или разрушенные церкви, дворцы и усадьбы) в знак советской действительности, а точнее в символ советского абсурда, который русская литература сразу заметила и отразила в многочисленных произведениях.

Само определение «коммунальная квартира» в советских реалиях обозначало помещения, получаемые после деления домов, принадлежащих до революции людям из богатых слоев населения – дворянству, буржуазии и зажиточной интеллигенции. Недостаток жилья после революции был вызван в значительной мере продолжительной цивилизационной отсталостью, нищетой рабочих и части крестьян-

³ Коммунальные квартиры не были советским изобретением. Припомним, что первым «коммунальным» помещением была доисторическая пещера. В разных странах мира люди по разным, чаще всего экономическим, причинам, делили общее жилье с родственниками. В России предшественницы коммунальных квартир появились уже в XVIII в., когда сдавали в наем маленькие комнатухи с доступом к общей кухне. Но само понятие возникло после 1917 г. и приобрело определенные коннотации, к чему еще вернемся. Аналогично звучащий термин существует и в польском языке, но имеет другой семантический смысл – обозначает квартиру, нередко с отдельной кухней и ванной, но как правило, не очень высокого стандарта, которой государство обеспечивало самых бедных граждан за невысокую эксплуатационную плату.

ства, затем наплывом деревенского населения в города в поисках лучшей жизни и одновременно стремлением новых властей реализовать один из основных лозунгов революции – общественного равенства. Улучшения жилищных условий добивались также жители прифабричных общежитий, подвалов, чердаков, разваливающихся хибарок. Чтобы решить проблему, делили то, что было доступно, и граждане получали бесплатно комнаты (иногда очень маленькие) с доступом к общей кухне и ванной. Кстати, нередко в ваннных и кладовых также поселялись жильцы.

Социологи и историки подчеркивают, что кроме экономических условий жилищную политику СССР стимулировали проблемы идеологические, связанные с программой воспитания нового советского человека. Коммунальные квартиры трактовались как дома нового типа – дома-коммуны, школы коллективизма и самоуправления, так как за платежи и поддержание порядка в местах общего пользования отвечал избираемый жильцами «ответственный съемщик»⁴, и каждый в перенаселенных домах был вынужден приспособиться к жизни среди множества людей. В общем, коммунальные квартиры представляли собой полную противоположность дому традиционному, который мог обеспечивать живущих в нем всем необходимым, так как был местом труда и отдыха, приготовления пищи, хранения нужных вещей и продуктов, воспитания детей и т. п. В противовес этому жители коммунальных квартир могли питаться в столовых, стирать в прачечных, детей отдавать в детские ясли и садики, отдыхать в клубах, кинотеатрах и т. д., но... далеко не все хотели этими возможностями пользоваться.

Писатели 20-х г. показывали в своих произведениях, что советские люди не были в состоянии менять привычки и обычаи, которые складывались на протяжении столетий, по приказу изо дня в день, и предпочитали готовить пищу и стирать дома, в общих помещениях, что сразу стало причиной соседских конфликтов. Явлением коммунальных квартир интересовались почти все писатели 20-х и 30-х гг. XX в., в т. ч. все сатирики. Константин Вагинов (*Козлиная песнь*, 1928, *Труды и дни Свистонова*, 1929) и другие обэриуты, Михаил Булгаков в *Собачьем сердце*, Пантелеймон Романов в повести *Товарищ Кисляков* (1930) и др. интерпретировали политику уплотнения как плановую деградацию личности, доказательство факта, что для новых властей человек перестал быть полноценным субъектом и превратился

⁴ Ю.К. Щеглов, *Коммунальная квартира*, [online], benderostap.ru/kommunlnaya-kvartira.

в средство реализации политических целей. Не принадлежащие к пролетариату «бывшие» люди должны были окончательно забыть прежние навыки и способ жизни, превратиться в собственные тени, так как их существование вошло в полный разлад с бытием и новым бытом; в особенно плачевном положении оказались владельцы национализированных домов или квартир, что запечатлели, напр., Романов в названном выше произведении, создав портрет преследуемых новыми жильцами супругов Дьяконовых, и четыре десятилетия спустя Владимир Максимов в романе *Семь дней творения* (1971), в главе *Среда*, в которой мелькает портрет лишенной всего, обезумевшей от утрат бывшей хозяйки большого московского дома.

В свою очередь Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров, Ефим Зозуля и другие изображали «типичных» советских людей, из числа тех, кто пытался приобщиться «к всеобщему счастью», улучшить свои жизненные условия, не меняя традиционного способа мышления в конвенции сатирической образности, т. е. с юмором, но в оценочно-экспрессивном ключе. Припомним, что тема коммуналок и *homo communalis* занимает видное место именно в сатирических произведениях Зощенко. В эпоху великой дестабилизации, породившей новую антропологическую ситуацию, писатель замечал странное, нередко абсурдное положение людей, брошенных в новые нелепые жизненные уклады, в плохо функционирующую систему, в которой нарочно перемешивалось все: в коммунальных квартирах в тесноте жили рядом люди разных профессий, происходящие из разных сословий, разных наций и т. п. (рассказы *Пустое дело*, *Беспокойный старичок*, *Кризис*). Чтобы выжить в условиях, когда не хватало всего: еды, дров, одежды, мебели, советские граждане должны были бороться за ежедневное существование, за каждую мелочь. Одни решались воровать у ближних, другие ухитрялись жестоко наказывать воров и любой ценой защищать свое небольшое имущество (рассказы *Дрова*, *Воры*), хранимое в общих дворах, коридорах, кухнях. Забота о своих вещах рождала подозрительность и неприязнь к соседям. В рассказе *Нервные люди* писатель показал, как попытка воспользоваться лежащим на виду у всех «ежиком» для чистки примуса вызвала сперва ссору с «объяснительными разговорами» между теми, «чей ежик», и женщиной, которая взяла его в руки. Коллективная ссора быстро перешла в жестокую драку, в которой принимали участие все жильцы, в «целый бой», во время которого могут «оттяпать последнюю башку» и «оборвать последнюю ногу»:

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечное дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду – с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности⁵.

Обсуждаемый выше и другие сатирические рассказы наглядно показывают, что обстановка коммунальных квартир благоприятствовала скорее развитию низменных черт индивидов (эгоизм, продолжительное состояния дикого озлобления или равнодушия) и низменного в поведении коллективов (интерес к сенсациям, враждебность друг к другу, кулачные расправы, привычка «отводить душу на соседях» и т.п.), чем проецируемым свойствам нового человека. Не благоприятствовала и индивидуальному (интеллектуальному и эмоциональному) росту героев, так как свою энергию и время многие жильцы вынуждены были растрачивать на мелочи. В подтексте рассказов можно заметить тезис, что те же самые люди в других условиях могли бы вести себя по-другому, что коммунальная квартира не годилась в модели универсума, устроенного согласно убеждениям и представлениям о гармонии конкретных жильцов.

Кроме явлений, тематизированных Зоценко, таких как теснота, грязь (кухонный дым, сковородный чад, горы мусора на кухне и в коридоре), шум, отсутствие приватности, писатели 20-х и 30-х гг. XX в. обращали также внимание на факты, что соседи из коммунальных квартир знали друг о друге почти все, и даже, как заметил И. Эренбург в повести *Рвач* (1925), меню каждого «оценивали с точки зрения этики и эстетики». В квартирных скопищах, редко превращающихся в дружные коллективы, мгновенно создавались свои иерархии с доминированием личностей сильных, но подлых, использующих или привилегированное служебное положение, или непримиримый характер для сведения счетов с другими. К распространенным явлениям принадлежали слежка за соседями (поощряемые властью формы соседского контроля), доносы, интриги, психологическая травля, жестокая борьба за увеличение своей собственной жилплощади, и, с другой стороны, явления ни чуть не смешные, такие как страх, отчаяние, уход во «внутреннее подполье», утрата здоровья, а иногда и жизни; последнее описал Алексей Толстой в повести *Гадюка* (1928),

⁵ М. Зоценко, *Нервные люди*, [в:] тот же, *Антология сатиры и юмора России XX века*, Москва 2007, т. 39, с. 156.

в которой речь идет о том, как заслуженная революционерка пала жертвой кухонных интриг, оказавшихся в состоянии уничтожить сильного и умного человека.

В русской прозе 20-х и 30-х гг. сложилась «архетипическая» модель коммунальной квартиры с ее неотлучными и устойчивыми атрибутами, обуславливающими человеческие судьбы; в отдельных произведениях встречаем лишь обогащающие общее представление подробности, как, напр., в повести Романова мини сюжет о пионерской организации, издающей свою стенгазету с карикатурами на соседей, борющуюся (успешно) за отдельное помещение для себя, а также обилие собак в перенаселенных комнатах. В принципе все писатели, затрагивающие проблему коммуналок, сигнализируют, что в них сталкивались разные, нередко противоположные и поэтому неосуществимые взгляды и стремления насчет того, как формировать жилое пространство, чтобы оно обеспечивало жизненные потребности человека.

Основные свойства коммунальных квартир, структура которых соответствовала структуре общества⁶ и общественным поведенческим стереотипам: теснота, грязь, шум, равнодушие, иногда враждебность и ненависть к соседям, выливающиеся (особенно заметно в разгар репрессий) в микро- или макропреступления, сформировавшиеся еще в 20-е г., успешно процветали на протяжении десятилетий, достигая иногда монструальных размеров⁷.

Многие коммуналки жили своей собственной жизнью, превращаясь в специфические микрокосмосы, так как долгое соседство сближало людей, и жильцы со временем приспосабливались и к веяниям истории, и друг к другу, учились хранить, насколько это было возможно, свою приватность. С концом 30-х г. во взрослую жизнь входило уже поколение, не знающее по собственному опыту дореволюционного быта, и это помогало советские абсурды трактовать как норму. Кроме того, ситуация заметно менялась: в СССР строили целые новые кварталы и даже города, и многие, в т. ч. наиболее предприимчивые жильцы коммунальных квартир получали новые отдельные квартиры. Но после второй мировой войны в крупных городах оккупированной немцами части страны имела место очередная волна уплотнения, вызванная необходимостью переселения жителей из разрушенных домов. Послевоенную атмосферу коммуна-

⁶ И.В. Утехин, *Очерки коммунального быта*, Москва 2004, с. 42.

⁷ Вспоминая послевоенное детство В. Высоцкий написал: «Все жили вровень, скромно так: система коридорная, /на тридцать восемь комнаток одна уборная».

лок конкретно и осязаемо представили, напр., Василий Гроссман во фрагментах романа *Жизнь и судьба* (первая часть 1952, полная версия 1989) и Борис Ямпольский⁸ в повести *Московская улица* (1988, написанная в 1960 г., авторское заглавие *Арбат, режимная улица* возвращено в сетевом варианте текста). Первая часть повести Ямпольского представляет собой своеобразный синтез того, о чем писали предшественники на протяжении десятилетий, т. е. грустно-смешных ситуаций, жалких или карикатурных личностей, подлых или трагических судеб, загубленных жизней и возможностей. Обсуждаемое произведение это сплав социологического очерка с эпической зарисовкой драматических биографий и глубокой психологической характеристикой главного героя, где сатирическая струя соседствует с трагизмом отражаемой жизни. Писатель подробно и пластично показал реалии большой коммунальной квартиры в старом арбатском особняке, где «все было как везде»⁹, т. е. самое жилое пространство воспринималось не как спасительное, а напротив, как настроенное агрессивно по отношению к честным и впечатлительным жильцам. Все то, что прежде в здании было полезным, удобным и красивым (парадная лестница, просторные коридоры и кухни, росписи на стенах и потолках) пришло в негодность, а в ванной хранились капуста и картофель, временами также постель молодого художника, обещающего быть гениальным. Как и везде, в коридор выставляли все, что никому не было нужно, а в середине его вешали после стирки белье, бьющее входящего «мокрыми штрипками по лицу». Звуки и запахи также не принадлежали к приятным: «за дверями орало радио, или играл патефон, или плакали, или пели, или били посуду, или царствовала такая тишина, что становилось страшно», и пахло то жареной воблой, чадом, стиркой, сортиром, лекарствами или «ужасной, необратимой пустотой». И Ямпольский, и другие писатели подчеркивают, что в коммунальных квартирах «жил самый разнообразный, смешанный, пестрый, никак не понимающий и не сочувствующий друг другу люд» (с. 4). Картина коммунальной жизни, создана в этом произведении с точки зрения героя-рассказчика, юного научного со-

⁸ Б. Ямпольский (1912 – 1972) принадлежит к писателям «потаенным». При жизни автора была напечатана примерно только четвертая часть им написанного.

⁹ Б. Ямпольский, *Арбат, режимная улица*, [online], royllib.com/book/.../arbat_regimnyf_ulitsa.html, с. 4. Номера страниц указываются по сетевому варианту.

трудника, скованного (аналогично реальному писателю¹⁰) страхом перед репресіями.

Ямпольский нарисовал также убедительные портреты жильцов, начиная с нахальных, терроризирующих всех своим классовым чутьем Свизляка и Голубева-Монаткина, уверенных каждый по-своему в глубоком «классово-партийном понимании событий и очередных задач» и учащих всех идейности (с.7), и кончая затравленными женщинами, боящимися собственной тени и живущими в полном одиночестве. У одних (сильных) были большие комнаты, другие (играющий на похоронах музыкант Бонда Давыдович или дворник Овидий) жили в каморках без окон, так что принцип равенства все-таки оставался трудно реализуемым. Для людей вдумчивых и впечатлительных жизнь на виду у всех была мукой, место жительства воспринималось как антидом, рождающий чувство полного отчуждения. Герой Ямпольского подытоживает:

Вот и серый наш дом, спокойный, будто ничего не случилось. Такой же он был и ночью, и давно в революцию, и в нэп, и в 1937-м, и в войну, живущий отдельно, независимо от судеб людей, населяющих его. Сейчас, на рассвете, особенно ясно было видно, что он каменный, равнодушный и не хочет, и не желает ничего о них знать. Замерзший, умерший дом был мне дико чужд. Если бы было куда уйти, я ушел бы и никогда сюда не вернулся (с. 102).

Но в общем интерес писателей к коммуналкам, в которых многие жили сами¹¹, после войны заметно ослабел, по-видимому, из-за исчерпанности темы и наплыва новых актуальных проблем (война, восстановление хозяйства, развитие техники и его последствия, расчет с культом личности и т. п.). Конечно, информация о героях из коммунальных квартир появлялась в сотнях произведений, но лишь как мало значащий фон событий. С течением времени появились и произведения, представляющее послевоенную жизнь в коммуналках с другой, чем в 20-е и 30-е гг., перспективы. Новый взгляд на этот феномен найдем в повести *Вдовий пароход* (1981) И. Грековой. Хотя образ коммунальной квартиры и в этом произведении принадлежит к легко узнаваемым, в нем заметны существенные различия, касающиеся самих основ сосуществования. В манере «серьезного», «неса-

¹⁰ В. Приходько, *Система удущья. О Борисе Ямпольском*, [в:] Б. Ямпольский, *Арбат, режисманая...*

¹¹ Из научных биографий или воспоминаний писателей известно, что в коммуналках приходилось жить, напр., А. Ахматовой, М. Булгакову, Б. Пастернаку, И. Ильфу, Е. Петрову, В. Войновичу, И. Бродскому, В. Высоцкому и др.

тирического» реализма писательница нарисовала сам дом («большой и мрачный, шестиэтажный, построенный где-то в начале века с погугами на модерн») и создала полнокровные портреты его жителей, с подробными биографиями. В коммунальной квартире, отображенной Грековой, живут одинокие женщины, с судьбами, «перекреченными историей и политикой», которые потеряли своих близких на войне. У них разные профессии, образование, возможности и привычки, и между ними случаются ссоры и злобные выпады друг против друга, зависть из-за каждого квадратного метра, припавшего другому, но независимо от этого общее жилое пространство, соседство, присутствие за стеной сперва совсем случайных людей, почти в одинаковой степени обиженных судьбой, помогает женщинам выжить. Случайное соседство превращается в иллюзию, в суррогат семьи. Одна из героинь, тяжело больная Ольга Флерова признает: «А для меня-то, вдвойне одинокой, это была единственная возможная семья – если бы не она, я бы не вытянула»¹².

Как уже заметили исследователи, Грекова термину «коммунальная квартира», кроме первичного юридического значения (жилищный фонд, в котором проживает несколько нанимателей¹³) придала еще и метафорически-метафизический смысл живого организма, руководящегося своими принципами. Этот организм является отражением всего общества, которое породило его, и он далеко не совершенный. Каждая женщина занимает определенное место в квартирной иерархии и вынуждена подчиняться установленным принципам, касающимся пользования общими местами и их уборкой. Нарушающие правила осуждаются и наказываются коллективом. Женщины быстро усвоили коммунальную мораль, особенно механизмы борьбы за своеобразно понимаемый принцип справедливости. Их квартира – это пример настоящей квартиры-коммуны, пространство, в котором советские ценности уживаются с традиционно общинными и универсальными. Это коммуна обездоленных женщин, в которой цементирующим элементом является всеобщее страдание, одиночество, незащитность, а с другой стороны, взаимная забота и соседская помощь. Такая коммуналка даже больше, чем настоящий традиционный дом; благодаря онтологическому осмыслению жизни

¹² И. Грекова, *Вдовый парход*, [online], www.litmir.info/br?/=98299.

¹³ Н.А. Пителина, *Феномен коммунальной квартиры в повести И. Грековой «Вдовый парход»*, [online], www.pskgu.ru/projects/pgu/storage/vg810/wgpu.pdf.

своих героинь, Грекова создала модель дома, придающую земному существованию бытийный масштаб¹⁴.

Через двадцать пять лет, уже после существенной перемены государственной жилищной политики, к теме коммунальных квартир обратилась Елена Чижова, автор награжденного русским Букером романа *Время женщин* (2006). Писательница припомнила уже полузабытый сермяжный советский быт с всесильными партийными и профсоюзными организациями, вмешивающимися и в личные дела граждан, и с вездесущим чувством вечного страха за каждое сказанное слово. В романе показана судьба пятерых женщин: трех старух из сословия «бывших людей», юной, рано умершей работницы и ее дочери. Чижова не обошла вниманием ни социологической, ни психологической характеристики своих героинь. Читатель узнает, что Антонина переехала в коммунальную квартиру из общежития, где в номере жило восемь человек, так что одиннадцатиметровая комната для нее и новорожденного ребенка воспринималась как нормализация жилищных условий. Спасительным оказалось также соседство пожилых одиноких соседок, которые утратили своих близких еще в годы революции или в результате репрессий. При общей судьбе у них разные характеры и подход к жизни, но они дополняют друг друга. Именно соседки выращивают и воспитывают болезненного ребенка, девочку, которая все понимает, но не хочет говорить, аналогично герою *Жестяного барабана* из романа Гюнтера Грасса, который не хотел расти и взрослеть. Старушки Чижовой ненавидят «большевиков», замечают абсурды советской действительности, но пытаются их игнорировать. Они давно избрали не путь бунта и борьбы, а внутренней эмиграции, отчуждения от того, что советское. Забота о ребенке новой соседки превращается в цель их жизни. Воспитывают девочку по-старому – учат французскому, вязать и вышивать, понимать сакральные и универсальные ценности, осторожности и бдительности ко всему, связанному с идеологией и политикой. Во время болезни и после смерти Антонины они проявили невероятную находчивость и прозорливость, позволяющую предвидеть события и решения чиновников и препятствовать им, чтобы спасти ребенка от детского дома. Чижова создала уникальный образ коммунальной квартиры как оазиса человечности, но это пространство изолировано, отчуждено от советской системы ценностей.

¹⁴ Е.Ю. Герасимова, *История коммунальной квартиры в Ленинграде*, [online], spb.ru/history.htm.

Как уже упоминалось, пейзаж советских городов – это не только заселенные многочисленными жильцами особняки и построенные в спешке бетонные коробки блочных зданий, но еще и долговечные бараки первых пятилеток, в которых также все «заинвентаризовано», «за всеми следят, всех курируют»¹⁵. В бараках, служивших общежитиями для рабочих или студентов, жило по несколько человек в комнате, и отрицательные стороны коммуналок выступали в них в сгущенном виде; для жителей бараков комната в коммунальной квартире считалась роскошью. На их неуютность, антиэстетизм, унылость и деструктивное влияние на личность как материальных условий, так и «коллектива», обратили внимание Георгий Владимов в производственной повести нового типа *Большая руда* (1968) и «Колумб барака и поселка», автор десятков произведений о барачно-поселковой жизни Владимир Маканин, вписавшийся в историю русской литературы как создатель нового типа литературного героя – человека барака. В повестях и рассказах: *Повесть о старом поселке, Ключарев и Алимущкин* (обе 1974), *Господин убегающий* (1984), *Отставший* (1987), *Лаз* (1991), *Голубое и красное* (1982) и др. писатель показал, что многолюдье, теснота, вечный галдеж при «идеальной слышимости», невозможность уединиться от других людей, плохо устроенный быт порождают эффект обезличивания индивида, неуверенности в себе, стереотипности мышления, безответственности, неумения жить без оглядки на других, и в окончательном итоге к меньшей или большей ущербности¹⁶. Барачно-поселковые коллективы в маканинских произведениях – это чаще всего «социальные кузницы лжедемократических отношений»¹⁷, а барак – символ междомья, жилья промежуточного. В свою очередь в романе *Undegraund или Герой нашего времени* (1997) главный герой, изгнанный из большого многоквартирного здания, где сторожил квартиры уезжавших в отпуск хозяев, в общежитии для рабочих заболел психической болезнью и выздоровел только тогда, когда вернулся на прежнее место, что еще выразительнее, чем в более ранних произведениях этого писателя, иллюстрирует губительное влияние атмосферы барака на человека. С образами общежитий в прозе созвучны и синтетические зарисовки в поэзии – наиболее

¹⁵ Б. Ямпольский, *Арбат, режимная улица*, с. 2.

¹⁶ А. Большов, *Маканин Владимир Семенович*, [online], www.hrono.ru/biograf/biom/makaninvs.php.

¹⁷ Т.Ю. Климова, *Проблема самоидентификации героя в социуме и культуре (на материале прозы В. Маканина)*, «Вестник ТГПУ» 2009, № 1, с. 16, [online], philology-and-culture.kpru.ru/?q=system/files/1116.pdf/.

потрясающую по своей беспредельной грусти характеристику общежитий создал Николай Рубцов в стихотворении *Уборщица рабочего общежития*: «Опять какая-то зараза сходила мимо унитаза!/ Окурки, пробки, грязь»... В ребятах, качающихся с похмелья, тоже нет веселья»¹⁸.

Общежития старого типа пережили сформировавший их строй и сохранили свои основные черты и в постсоветскую эпоху. Роман Сенчин в автобиографической повести *Минус* (2001), кроме постоянных атрибутов «общежитийного» существования, таких, как бедная обстановка, грязь, шум, добавил распространение алкоголизма как вечной болезни таких мест; пристрастие к алкоголю это дань моде, укоренившейся в сфере «междомья», спасение от скуки, иногда безысходности ситуации, в какой оказались многие люди после перемены строя.

Зловещий дух коммунальных квартир и бараков воскрешается (чаще всего в гротескных воплощениях) и в произведениях постмодернистов, напр., Евгения Гандлевского, Владимира Сорокина, Евгения Попова, Юрия Мамлеева, Николая Коляды и других драматургов – создателей «новой драмы». Коммунальная квартира для многих из них остается символом всего самого плохого, что подтверждает, напр., фрагмент одной из пьес Коляды: «В коммунальных квартирах смерть сидит в кнопках дверных звонков. Нажмешь кнопку – она вылетает. Правда, правда. Попробуйте»¹⁹. Современные писатели показывают, что жилищная проблема в к. XX – н. XXI в. остается в России (и не только) нерешенной, и средой обитания героев остаются «хрущевки, подвалы, бараки, комнаты под канализационными стоками, узкие комнатухи похожие на гробы, квартирki-вагончики»²⁰.

Мечтой жильцов коммуналки и бараков была, конечно, отдельная квартира. Со временем появилась возможность покупать кооперативные квартиры в меньшей очереди, и сам акт приобретения таковой переводил владельца в иную социальную категорию, так как на протяжении десятилетий кооперативная квартира считалась в СССР признаком богатства. Несомненно, такие квартиры гарантировали в меру удобную и спокойную жизнь, свободную от угнетающей атмосферы коммуналки, а творческой интеллигенции давали возмож-

¹⁸ Н. Рубцов, *Уборщица рабочего общежития*, [online], poetryrain.com.authors/rubtsov-nikolay/16390.

¹⁹ Н. Коляда, *Канотье*, [в:] тот же, *Пьесы для любимого театра*, Екатеринбург 1994, с. 143.

²⁰ М. Громова, *Русская драматургия конца XX – начала XXI века*, Москва 2006, с. 185.

ность работать без препятствий, что доказывал Владимир Войнович в повести *Иванькиада* (1976). Для миллионов советских граждан эталоном благополучия стала именно городская отдельная квартира с мебельной стенкой, телевизором, холодильником и стиральной машиной.

Внимание литературы в разные времена привлекал также факт расслоения социалистического общества, существования в советских условиях номенклатуры, жившей на государственный счет в больших и роскошных по тем временам квартирах. Проживание партийных деятелей, крупных ученых, мастеров спорта, сотрудников секретных служб и т.п. в привилегированных условиях было своего рода наградой за заслуги, что убедительно показали Юрий Трифонов в *Доме на набережной* (1976, Василий Аксенов в романе *Москва - ква - ква* (2006) и др.

Капиталистическая действительность продолжает вносить свои корректуры как в пейзаж городов, пригородов и деревень, так и в человеческие жизни. В новейшей русской литературе в рамках темы «дом» писатели отражают два сравнительно новых и важных явления. Во-первых, стройки частных больших, роскошных и удобных домов, которые будут выполнять многие из проверенных веками функций или служить только местом отдыха на фоне природы. После перемены строя многие писатели, художники, бизнесмены живут «на два дома» (или больше), кроме того, дом перестает быть местом постоянного пребывания²¹. История сделала очередной виток и многое вернулось на прежние (дореволюционные) места. Конечно, мечты о собственном просторном и красивом доме присущи при любом строе людям всех наций. Частный дом по-прежнему отражает позицию хозяев, остается знаком богатства, престижа, не всегда честно добытых денег, что показал, напр., Владимир Маканин в романе *Асан* (2011): воюющие в Чечне русские офицеры строят в России дома за деньги, получаемые за продажу дефицитных продуктов местному населению (воровство), за сделки с партизанами (измена), за помощь в освобождении русских военнопленных (подлость).

Другой перевертыш истории связан с фактом возвращения в покинутые или просто пустующие деревенские избы, что частично в России и в других бывших советских республиках связано с процессом утраты частью населения государственных или ведомственных квартир. Последствия этого процесса наиболее полно показал Роман

²¹ См. шире: *Droga w języku i kulturze*, Lublin 2011.

Сенчин в романе *Елтышевы*²² (2009). Если хотя бы незначительное улучшение жилищных условий способствует активизации человеческой энергии и стимулирует к деятельной жизни, то внезапное ухудшение ведет к маразму и деградации личности: Елтышевы уже не способны, как многие деревенские жители, жить без водопровода (смеситель теплой и холодной воды с их прежней квартиры стал символом благополучной и счастливой жизни) и других материальных благ. Для них утрата городской квартиры становится началом конца, и их романная судьба иллюстрирует распространенные общественные процессы²³: в постсоветских условиях многие жители России не в состоянии найти себе новое место в жизни, в результате чего разлагаются нравственно, спиваются и умирают.

Конечно, в русской литературе XX и XXI веков найдем десятки героев, мечтающих вырваться из деревенских хат, общежитий, бараков или коммунальных квартир в отдельные и стать полноценным *homo domesticus*, что не мешает быть и настоящим человеком, не растрачивающимся на мелочи. Коммунальные квартиры и общежития не помогли вырастить *homo communalis*, напротив, скорее препятствовали программе его воспитания. Но просмотр избранных произведений, затрагивающих эту тему, убеждает, что всегда, кроме идеологии и материальных условий, важную роль в формировании индивида и межчеловеческих отношений играет личный фактор (воспитание, выбор ценностных ориентиров и т. п.) и человечность иногда бывает сильнее любого режима.

²² См. шире: W. Supa, *W kręgu problemów rosyjskiego "nowego realizmu"*. *Proza Romana Sieneczyna*, "Studia Wschodniosłowiańskie" 2014, s. 119-132.

²³ В одном из интервью Сенчин сказал: «таких Елтышевых на юге Сибири – каждая вторая семья». См.: Р. Сенчин, интервью *Между реализмом и панк-роком*, «Российская газета» 16 августа 2010 г., федеральный вып., № 5260 (181).

SUMMARY**Living space and human mentality in 20th-21st century Russian prose**

The article discusses the relationship between characters' living conditions and their personality traits. In most of the analysed stories (by M. Zoshchenko, *Moscow Street* by B. Yampolsky, stories by V. Makanin, R. Senchin and others) the authors emphasise a devastating impact of a place of living, such as a council flat in the Soviet version, a worker class hostel or a bunkhouse, on personality development. A lack of space did not facilitate the upbringing of a 'new' Soviet man. The article also emphasises that some Russian literary works (*The Ship of Widows* by I. Grekova, *The Time of Women* by E. Chizhova) show good neighbour relations in post-war council flats.

Keywords: home, council flat, condominium, worker hotel, bunkhouse, morality, Russian literature.

Ключевые слова: дом, коммунальная квартира, кооперативная квартира, общежитие, барак, нравственность, русская литература.